

Стефано Алоэ (Верона – Италия)

Италия в представлениях славистов XIX века

Тезисы: Изучение Италии не относилось к первоочередным задачам славистики XIX в.: молодой в ту пору научной дисциплине хватало более насущных тем и вопросов. Апеннинский полуостров мог представлять интерес для славистов лишь с точки зрения географического соседства с изучаемыми ими регионами. Но уже первое поколение ученых осознало потенциальное значение Италии для славистических исследований, а второе и третье поколения стали уделять все большее внимание некоторым особенностям истории и культуры полуострова. В статье рассматриваются основные причины этого интереса и наиболее показательные эпизоды из истории славистики XIX в., связанные с Италией.

В первой Русской летописи Италия называется землей „Волошьскою”. У западных и южных славян и теперь итальянцы слывут влахами: у чехов *wlach*, у поляков *włoch*. Жители славянских селений в южной Италии (Аквавивы и Сантофеличе) на вопрос наш: „Как обращаются с ними итальяны”, отвечали: „Власи су добра челедь”.

Марин Дринов [Дринов 1872: 84]

Италия, которой не было

Рассуждая о значении Италии для первых поколений славистов, прежде всего, нужно взглянуть на ситуацию их глазами. Тогда очевидным станет факт, что мы говорим о том, чего в то время не было. Италия на карте Европы до 1861 г. не существовала. Но было бы ошибкой считать, что отсутствие итальянского государства помешало славистам составить представление об Италии: необходимо различать Италию - геополитический субъект, сформировавшийся в результате волны национальных войн, и Италию как историко-геокультурный ареал [Проблемы 2015]. Европейские путешественники XVIII и XIX вв., в том числе и слависты, планируя в своих маршрутах посещение Милана, Турина, Венеции, Болоньи, Флоренции, Рима, Неаполя, неизменно воспринимали эти исторические города как «итальянские», не придавая особенного значения их принадлежности разным государствам (многие из них являлись даже столицами государств). Политическая раздробленность Апеннинского полуострова никогда не мешала воспринимать его – извне, и изнутри – как целостность, в основе которой – культура, искусство, развитый литературный язык, способный объединять жителей всех

областей, несмотря на сложную мозаику говоров и диалектов, порой весьма далеких от языка Данте и Петрарки. Престиж итальянского языка и связанных с ним культуры и искусства мог, таким образом, веками оставаться неизменным. Влияние итальянского языка и культуры обнаруживалось и за пределами полуострова, ареалом их распространения были земли Восточной Адриатики, долго входившие в состав Венецианской республики.

Итак, исследуя представления славистов XIX столетия об Италии, необходимо учитывать, что она для них – не политическое понятие, а страна в неопределенно-идеальном смысле, не имеющая четких границ, поскольку те менялись в разные периоды и зависели от разных факторов. В то же время нужно поставить вопрос об отдельных государствах (Пьемонте, Венецианской республике, существовавшей до 1797 г., Неаполитанском королевстве и т.д.), с разных сторон интересовавших славистов. Важно отметить, что значительная часть территорий, которые для славистов того времени ассоциировались с итальянским языком и культурой, одновременно входила и в другое понятие негосударственного плана – «славянский мир»: это Далмация, Истрия, часть Фриули с Резьянской долиной, Котор.

Тема нашего исследования – Италия в представлениях славистов – переплетается с другим принципиально важным лейтмотивом истории славистики – диалектикой империй и наций¹. Именно геополитическая система империй, пережившая свою последнюю и самую бурную фазу в период, который начинается поражением Наполеона и завершается Первой мировой войной, была мерилем представлений об Италии и о славянском мире для первых поколений славистов. С одной стороны, в рамках империй ни Италия, ни славянский мир не являлись политическими понятиями. С другой стороны, формирование национальных движений, подрывающих изнутри наднациональные империи, не могло не привести к ангажированности славистики, для которой языковой атлас и другие характеристики регионов Европы того времени смещались из нейтральной области академических интересов в плоскость идеологии. Влияние конкурирующих концепций славянского единства – австрославизма, панславизма, иллиризма – самое яркое проявление этой тенденции развития славистики XIX в. [Идея 1994].

С позиции национализма политическое объединение субъектов, характеризующихся яркой историко-культурной идентичностью, в частности, Италии, воспринималось как «историческая судьба». В этой логике часть

¹ Эта тематика часто находилась в центре внимания Комиссии по истории славистики [Бонацца/Горяинов/Робинсон 2013. См., в частности, Идея 1994; Veda 1998; Развитие 2008; Literature 2017].

славянского мира симпатизировала итальянским патриотам (хорошо известно обоюдное притяжение итальянцев и поляков в период Рисорджименто). Одновременно по той же причине идея итальянской нации находилась в противоречии с объединительными усилиями славян на землях Восточной Адриатики, где исторически встречаются и смешиваются южнославянские и венециано-итальянская цивилизации.

Опираясь категориями нашего времени, мы не вправе требовать от славистов XIX столетия однозначных оценок: Венецию они могут считать не только итальянским городом, центром недавно исчезнувшей морской республики, бывшей многонациональной (в том числе и славянской) столицей, но и периферийным центром Австрийской империи. Другие города сегодняшней Италии могли представляться тогдашним славистам чисто австрийскими (Гориция, иногда и Триест), присутствие в которых итальянского населения казалось исторически менее значимым, чем, например, в Задаре или Дубровнике, лучше сохранивших черты итальянской культуры и венецианского наследия.

Первые слависты (Я. Потоцкий, Й. Добровский, Е.Б. Копитар) называют резьянцев «венецианскими» или фриульскими славянами², что для того времени исторически справедливо и логично, но уже в 1841 г. И.И. Срезневский помещает их «в Венецианской Италии на границах Краинских» [Дуличенко 2007: 129]. Процесс заселения территорий в донациональный период был намного сложнее того, что в дальнейшем стремился представить каждый национализм, стирая по возможности следы присутствия «конкурентов» в прошлом и настоящем многих европейских городов.

В зависимости от внутренней и внешней политики каждого из государств, между которыми был поделен Апеннинский полуостров до объединения Италии, условия для формирования славистики различались, иногда становясь совсем неблагоприятными. Малое количество славянского населения в географических пределах полуострова, отсутствие у итальянцев стратегических интересов в славянских землях, недостаточно развитые дипломатические и коммерческие связи с Россией обусловили полное безразличие итальянского общества к славянам, незаинтересованность государственных органов и научно-просветительских институций в развитии славяноведения. К тому же Италия относилась тогда к периферии европейской цивилизации, центрами которой были Франция, Германия и Англия.

² Ср., напр., у Копитара: «eine karentanische Pfarre in einem Thale des venetianischen Friauls» [Kopitar 1816: 177] и гораздо позже в письме Я. Бодуэна де Куртенэ к В. Облаку от 11 сентября 1888 г.: «moramo zabeležiti razloček mej beneškimi Slovani, ki stoje blizu Furlanov, in timi, ki so oddaljeni od Furlanov» [Lenček 1992: 346].

В представлении самих итальянцев Италия включалась в Европу в первую очередь благодаря своему античному и ренессансному прошлому, тогда как славянский мир из нее исключался или воспринимался в европейском контексте как второстепенное культурно-историческое явление. В отношении России итальянские патриоты разделяли мнения и предрассудки большинства западноевропейцев, видя в ней полуазиатскую империю насилия, несвободы и бескультурья [Потапова 1973; Aloe 2000a: 131-132]. Наконец, главным ориентиром для итальянских интеллектуалов того времени была Франция, которая отставала от германских государств в развитии славистики [Bernard 2003]. Научные, в частности, филологические, исследования, проводимые в Вене, Праге, Берлине, Бреслау, почти не получали отклика в Италии, где знанием немецкого языка могли похвастать лишь немногие ученые и литераторы. Таким образом, в Италии не только отсутствовали условия для становления славистики, но и культурные связи с представителями славянского мира на индивидуальном уровне являлись редкими и эпизодичными [Cronia 1958].

Более благоприятной была обстановка на итальянских территориях, входивших в состав Габсбургской империи. Влияние германской науки, культурные связи с университетами и просветительскими институциями Центральной Европы, подданство монархии, для которой славянский вопрос являлся стратегически важным – все эти факторы обеспечивали контакты со славянским миром и развитие славянской филологии. Неудивительно поэтому, что итальянские культурные центры, интересовавшиеся отдельными вопросами истории и культуры славян, находились в пределах Австрийской империи: это Милан, Тренто, Венеция, Задар, Дубровник. Разумеется, обстановка в городах Паданской равнины, таких как Милан или Венеция, существенно отличалась от ситуации в исторически смешанных краях, таких как Фриули, Триест, Истрия, Далмация. Если в Милане и «Ломбардо-Венецианском королевстве» германизация была заметна только на уровне государственной администрации (славяне несли там военную службу, особенно в городах, защищенных крепостями «венецианского четырехугольника»), то на землях Восточной Адриатики, на границе Фриули и Словении немецкое и итальянское культурные влияния активно соперничали при одновременном росте значения славянских культур и языков.

Вне Габсбургской монархии следует выделить Ватикан – единственное государство Апеннинского полуострова, имеющее в силу древней традиции сложные стратегические связи со славянским миром³.

Таким образом, неудивительно, что Италия с опозданием была включена в сферу интересов славистики. Тем не менее, почти без участия итальянских ученых международная славистика «открыла» для себя Италию намного раньше. Чтобы понять, как это происходило, и выделить основные этапы итало-славянских отношений, необходим экскурс в прошлое.

Итало-славянские связи до XIX века

Дипломатические и торговые связи итальянских государств со славянским миром носили интенсивный характер со времен Средневековья. Даже не говоря о неоспоримом значении миссии Кирилла и Мефодия (в дальнейшем она станет одной из любимых «итальянских» тем славистических исследований), нельзя не заметить, что территориальное расширение Венецианской республики происходило главным образом на далматинском побережье, оказывая непосредственное воздействие на жизнь южнославянских и других балканских народов. Еще более тесными были дипломатические связи Ватикана, постоянно включавшего в сферу своих интересов весь славянский ареал, а с XVI в. сосредоточившего усилия на православных славянах. Разнообразные связи, преимущественно торговые, развивали со славянским миром Неаполитанское королевство и Генуэзская республика. Не будет лишним упомянуть культурные и научно-филологические контакты итальянских и славянских гуманистов [Голенищев-Кутузов 1963], землячества славянских студентов в Болонском, Падуанском и других университетах Италии. Документальные свидетельства этих контактов отложились в итальянских архивах и библиотеках, привлекая внимание славистов. Особой сферой интересов филологов стал поиск древних рукописей и раритетных изданий, хранящихся в книгохранилищах Италии. То же можно сказать о продукции славянских типографий, веками существовавших в Венеции [Pelusi 2005; Pelusi 2006].

Следует отметить важнейшую роль итальянских эрудитов в развитии классической и восточной филологии. Едва ли не первые филологические описания древнеславянских памятников были сделаны в пределах итальянского культурного ареала задолго до становления славяноведения: древнейшее

³ Небольшая, но влиятельная колония польских патриотов сложилась в Турине, столице единственного государства Апеннинского полуострова, сочувствовавшего движению поляков за независимость.

глаголическое Евангелие, купленное Иосифом Ассемани в Иерусалиме в 1736 г. и отправленное в Рим, впервые описано далматинским архиепископом Матеем Караманом в 1753 г. вместе с другими ватиканскими глаголическими кодексами⁴. «Болонская псалтырь» получила свое первое описание и была частично опубликована уже в 1746 г. благодаря трудам эрудита кардинала Николо-Мария Антонелли, став одной из наиболее известных славянских рукописей [Antonelli 1746: xvii-xxi].

Основой развития итальянской славистики стали не только активный интерес и компетентность в вопросах филологии и палеографии ученого католического духовенства, но и внимание исследователей к истории и этногенезу славян. Сочинения Мауро Орбини и Юрия Крижанича являются базовыми для идей славянского единства [Brogi Vercoff 1994; Денисевич 2006], тогда как М. Карамана, Н. М. Антонелли, Матея Совича [Бабич 2012] и некоторых других священников-филологов, большей частью далматинского происхождения, можно считать пионерами славянской палеографии и филологии. Исследования в области библеистики давали им драгоценный опыт для изучения глаголических и кириллических рукописей; именно из библеистики пришел в славистику в конце XVIII в. Йосеф Добровский [Bonazza 1974: 77-78].

Славистика в современном ее понимании сложилась в Италии в 20-е гг. XX в.: в 1910 г. Ватрослав Ягич с полным основанием утверждал, что «Италия пока еще совсем игнорирует славянский мир» [Ягич 1910: 880]. Однако было бы неверно отрицать наличие в итальянских филологических традициях плодородной почвы для развития славистики уже на самых ранних этапах ее существования, что первым заметил Ерней Копитар и доказал впоследствии историк итальянской славистики Серджи Бонацца [Bonazza 1980; Bonazza 1982; Bonazza 1985 и др.]. Проводя свои исследования в Италии, Копитар активно сотрудничал с выдающимися филологами, специалистами в области как славистики, так и германистики [Bonazza 2004]: это представитель классической филологии о. Анджело Май и миланский востоковед Карло Оттавио Кастильони. Граф Кастильони внес своими работами большой вклад в развитие славянской филологии и оказал ценную помощь Копитару в

⁴ Matteo Caraman, *Identità della lingua litterale slava* (Zara, 1753). См. у Добровского, не доверявшего Караману в датировке «Болонской псалтыри»: «Matthaeo Karamano, qui eum Suida seu anno 1081 antiquiorem statuit assentiri non possum, quamvis eum e codice cyrillico antiquo saeculi XIII mutatis litteris cyrillicis in glagoliticis descriptum facile credam» [Dobrovský 1822: 688-689]. О высокой точности Карамана в описании рукописей см. А. Крония: «...so stari kodeksi podvrženi okvaram po krivdi časa <...> tako se dogaja, da v opisu, ki ga daje Karaman, prihajajo na svetlo podatki in poročila, ki jih drugi niso opazili in ki so vsekakor važni za našo snov» [Cronia 1954: 106].

подготовке первого издания принадлежавшей трентинскому графу П. Клоцу рукописи «Глаголита Клоцианус», глубоко изученной обоими филологами [Bonazza 1975; Bonazza 1980: 184]. Исследуя рукопись еще до того, как она попала в руки Копитара, Кастильони пришел к выводу, что с ее помощью можно доказать более раннее возникновение глаголицы по сравнению с кириллицей⁵.

Передовой для своего времени научный подход Кастильони и Мая хорошо знакомых с достижениями германских ученых, был скорее исключением для тогдашней итальянской филологии. Это можно проиллюстрировать, сопоставив вывод Кастильони о древности глаголицы с лишь на первый взгляд тождественными суждениями его итальянских современников. В связи с долго бытующей легендарной атрибуцией глаголицы св. Иерониму ее происхождение было одной из немногих славистических тем, которые давно и сильно интересовали итальянских филологов, особенно в истро-далматинском регионе. «Миланские успехи» славистики явились результатом сотрудничества Кастильони и Копитара. Одновременно в Рагузе (Дубровнике) эрудит о. Франческо Мария Аппендини публиковал свои труды об истории и языке «иллирических» славян. По мнению Аппендини, глаголица была старше не только кириллицы, но и самого св. Иеронима, поскольку «была алфавитом древних фракийцев-фригийцев»⁶.

Кастильони и Аппендини разошлись не только в выводах, но, и прежде всего, в методе. Аппендини, представитель традиционной донаучной филологии, сопоставлял большое количество разнообразной литературы и разрешал возникавшие вопросы эвристическим путем, опираясь в стремлении найти подтверждение своим гипотезам на интуицию. Кастильони же критически оценивал источники, анализируя и сравнивая разные аспекты рукописей, приводя убедительные аргументы для выводов.

Как Кастильони, так и другие выдающиеся итальянские лингвисты (Грацидио И. Асколи, Бернардино Бионделли и Эмилио Теза) изучали

⁵ Сам Кастильони в своей обширной анонимной рецензии на издание Копитаром «Клоциануса» аргументировал свою точку зрения: «Tutto questo <...> dava ragionevol fondamento a concludere, esserne stato in epoche anteriori l'uso ben più esteso che nol sia oggidì, ed esserne l'origine assai più remota di quella assegnata da Dobrowsky» (<C.O. Castiglioni>, *Glagolita Clozianus, id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi...* // *Biblioteca italiana*, Milano 1836, T. LXXXII. c. 264).

⁶ «Del primo alfabeto, che è pur chiamato Glagolitico, o Geroliminiano, si vuole, che S. Girolamo sia l'autore; ma è di una data di gran lunga anteriore, essendo stato l'alfabeto degli antichi Traco-Frigi» [Appendini 1808: xviii]. Ср. письмо Аппендини Копитару от 15 сентября 1834 г.: «La prego di non tenermi all'oscuro di un argomento che molto mi interessa, avendo sempre creduto, e credendo tuttavia (a malgrado della contraria opinione sostenuta dal Dobrowski), che l'alfabeto glagolitico o Gerolimiano sia più antico del cirilliano, e che la versione della S. Scrittura di s. Cirillo, e Metodio sia stata preceduta da altra intiera, e in parte scritta in caratteri glagolitici» [Bonazza 1980: 153].

славянские языки, интересовались отдельными проблемами славистики, но этот интерес в большей степени отражен в их переписке с зарубежными филологами (например, с Копитаром, Миклошичем, Шафариком [Marchiori 1959; Marchiori 1961; Cronia 1962; Bonazza 1999]), чем в изданных трудах. Отмеченное нами еще раз подтверждает тезис, что итальянская филология XIX в. не была готова к развитию славистических исследований. Тем большую ценность имеет прозорливость Е. Копитара и И.И. Срезневского, которым в прямом и косвенном смысле принадлежит славистическое «открытие» Италии.

Итальянская стратегия Ернея Копитара

Австрославизм Ернея (Бартоломеуса) Копитара – одна из важных причин его интереса к Италии. Переписка словенского филолога с библиотекарем иезуитского Collegium Romanum Джампьетро Секки и другими представителями ватиканской интеллигенции дает представление о его концепции славянского единства, предполагающей гармоничное участие каждого славянского племени в жизни Габсбургской монархии с сохранением языковых и культурных отличий и при сочетании трех объединительных начал – политического (империя), религиозного (католицизм) и лингво-этнического (славянство) [ср. Bonazza 1983]⁷. Копитар опасался подхода, доминировавшего в царской России по отношению к ее славянским народам, в соответствии с которым центральное место отводилось русским. Ученый считал подобную модель объединения славян неприемлемой. Еще яростнее звучали нападки Копитара на православие и чешские симпатии к гуситскому протестантизму. Помимо прагматизма здесь обнаруживает себя его желание угодить своим ватиканским корреспондентам, но в искренности Копитара нет сомнений [Bonazza 1980: 227-299]. В его концепцию строительства славянского единства в границах Габсбургской монархии Италия была включена по ряду причин:

- Австрийская империя получила в результате реализации проектов Наполеона и по решению Венского конгресса территории Венецианской и Рагузанской Республик – в том числе все восточно-адриатическое побережье со смешанным славяно-итальянским населением;

- рост националистических настроений представлял угрозу для внутренней стабильности монархии, способствуя постепенному нарастанию сопротивления властям венецианского и славянского населения Фриули,

⁷ «Es ist vielmehr nicht ohne Nutzen, daß die Illyrer sich als einen besondern slavischen Stamm, wie die Böhmen, Polen, Kroaten, ansehen lernen, indem sie sonst mit den geliebten Russen zusammenfließen würden» (из памятки Е. Копитара для венской канцелярии 1826 г., цит. по [Bonazza 1983: 164]).

Далмации и Истрии, что вызывало разрушение специфического культурного уклада и ослабление юго-западной границы Австрийской империи⁸;

- признание многонациональности и культурно-языкового разнообразия регионов Австрийской империи было не только единственной гарантией ее внутренней стабильности, но и предпосылкой для разработки новой модели гармоничного сосуществования множества народов и языков в едином политическом пространстве. Противоположной моделью для Копитара служила Россия, чуждая всякой федерализации и воплощающая в себе опасное смешение империи старого типа и нового национализма титульного народа;

- Италия входила в планы Копитара в силу традиционного стремления к объединению усилий светской (монархической) и духовной (папской) властей, что, по мнению словенского филолога, стало бы опорой европейской цивилизации⁹. Вершителями судеб славянского мира Копитар видел Вену и Рим.

Таким образом, Италии отводилось важное место в деятельности Копитара, направленной на подчинение славистики идеалам австрославизма. Основные итальянские контрагенты библиотекаря Венской императорской библиотеки находились в городах империи (Милан, Венеция, Тренто, Рагуза/Дубровник) и Папского государства (Рим и Болонья). В Милане Копитар связался, как уже было сказано, с К.О. Кастильони и А. Маем, в Венеции с директором Библиотеки св. Марка Пьетро Беттио, в Тренто с графом П. Клоцом, в Рагузе с Ф.М. Аппендини. Тесные контакты словенский филолог наладил с Римом, который посетил дважды – в 1837 г. (с остановкой в Болонье) и в 1842-43 гг. [Tamborra 1974; Bonazza 1980: 79-80]. Его вторая поездка в Рим могла стать эпохальным событием для итальянской славистики, так как была связана с проектом создания Конгрегацией пропаганды веры первой в Италии кафедры старославянского языка в Collegium Romanum [Bonazza 1980: 75-93]:

L'Eminentissimo Cardinal Lambruschini accolse *ambabus ulnis* la proposta del Suo viaggio e della Sua venuta in Roma; ed approva egualmente che s'intenda per mettere in esecuzione il decreto di

⁸ Показателен пример далматинского италоязычного писателя и филолога Никколо Томмазо: страстный патриот Италии, он долго боролся за двойственный этнолингвистический статус Далмации – сосуществование итальянского начала и иллиризма; после национальных движений 1848-49 гг. Томмазо сделал выбор в пользу итальянской идентичности, несмотря на свои славянские корни по материнской линии. Ср. [Ivetic 2004; Ivetic 2014: 213-215; 226-231].

⁹ Чаяния Копитара не были романтическими мечтаниями – он реалистично оценивал политическую ситуацию в Габсбургской монархии и ясно видел ее слабые места. Роль Австрийской империи как единственного мощного европейского католического государства в перспективе могла быть очень значительной («l'Austria è ora la sola potenza in Europa che si dichiari cattolica» напоминал Копитару иезуит Дж. Секки в 1842 г. [Bonazza 1980: 250]).

Benedetto XIV per la istituzione d'una cattedra e di un professore di lingua slava antica nella Propaganda [Bonazza 1980: 249].

Так писал 18 июня 1842 г. Копитару Дж. Секки, предупреждая, что создание кафедры готовилось тайно («con grande segretezza; perché lo spionaggio dei *divini Russi* è immenso, e singolarmente sopra tutti i passi che fa la Santa Sede»): Ватикан опасался русских шпионов, так как проект был тесно связан с деятельностью униатской церкви в «Рутении» [Pogačnik 1980/1981].

Проект кафедры, во многом предвосхитивший создание Collegium Russicum в XX в., не увенчался успехом. Через полгода Копитар, остававшийся в Риме с конца октября 1842 г. до начала мая 1843 г., вернулся в Вену, снова заняв свой пост. Этот эпизод многое говорит о тогдашних перспективах развития славистики в высших учебных заведениях Ватикана. Римское окружение Копитара уже в то время было представлено специалистами из разных стран, если не в полном смысле славистами, то знатоками славянских языков и истории, такими как Дж. Г. Меццофанти, перебравшийся из Милана в Рим А. Май, немецкий историк Августин Тейнер и др. [Bonazza 1980]. Напомним, что в начале 1820-х гг. в ватиканских архивах работал еще один пионер славистики, М.К. Бобровский. Вслед за Копитаром слависты все чаще будут посещать ватиканские библиотеки – вскоре там начнут работать филологи Франьо Рачки, Имбро Ткалац, Иван Чрнчич и многие другие¹⁰.

Хлопоты Копитара в Ватикане, его усилия по созданию в Риме кафедры старославянского языка только косвенно связаны с филологией. На первый план, особенно во время своего второго пребывания в Вечном городе, он ставил стратегические вопросы славянского католичества: проблемы греко-католиков в Российской империи, стремления поляков к независимости, положение украинцев и «рутенов», южную границу между католицизмом и православием на Балканах. Копитар действовал в русле ватиканской политики, направленной на поощрение просветительских инициатив в среде католических и других христианских меньшинств в не католических странах¹¹.

¹⁰ Ср., например, богатую переписку Ф. Миклошича: [Sturm-Schnabl 1991; Листування 1993].

¹¹ Например, в 1838 г. римская газета «Diario di Roma» сообщала о публичном выступлении Анджело Мая, призывавшего издавать больше «восточно-христианских сочинений» из коллекций римских библиотек, не забывая и о славянских текстах: «...il sig. Card. Angelo Mai, Censore onorario della stessa Accademia [di Religione Cattolica], lesse un eruditissimo ragionamento, in cui mosso dal nobile desiderio di giovare alla Cattolica Religione [...] si propose per argomento la pubblicazione da farsi, nella maggiore ampiezza possibile, delle opere Religiose Orientali, di cui tanta copia abbiamo nelle nostre pubbliche Biblioteche [...]. La lingua etiopica, l'armena e la giorgiana si attirarono egualmente le più accurate ricerche dell'egregio Oratore, e per lui manifestarono anche esse quanti nascosti tesori si possano trarre dai loro Codici pel bene della Religione in quei rispettivi paesi; né rimasero dimenticati gli slavi, giacché si ragionò con somma erudizione delle molteplici loro diramazioni, e le opportune vie si additarono

Большое значение имели связи Копитара с о. Ф.-М. Аппендини, продолжавшиеся с 1811 по 1834 г. Итальянский эрудит, вместе с братом Урбано избравший Рагузу для своей педагогической и научной деятельности, был связующим звеном между итальянской и славянской культурами Восточной Адриатики, находившимися под влиянием католицизма. Еще в юности Копитар указывал Аппендини на его серьезные ошибки в изучении истории славян и их древнего языка, надеясь превратить монаха в квалифицированного слависта. Для этого нужно было связать его с германскими филологами и настоять на овладении немецким языком. «Il serait bien à souhaiter que vous puissiez prendre notice des recherches des savants Allemands sur l'objet que vous occupez. Je pensai même vous envoyer une *grammaire* allemande, écrite en français, & le dictionnaire italien-allemand de Jagemann <...> dans la persuasion où je suis que quiconque veut *approfondir* la langue *slave*, doit indispensablement étudier *l'allemand* aussi», – писал Копитар Аппендини в 1811 г. [Bonazza 1980: 120]. Попытки Копитара оказались неудачными – Аппендини немецкий язык не выучил и всю жизнь придерживался своих во многом антинаучных теорий¹², подвергаясь резкой критике со стороны Й. Добровского и насмешкам Ватрослава Ягича по поводу «нелепостей» и «диких этимологий»:

Отзыв Добровского о бреднях Аппендини по части слав. древностей был уже упомянут выше... Своим диким этимологиям он остался верен до конца жизни. Копитар сообщал в 1823 г. Добровскому о пребывании Аппендини в Вене в течение нескольких месяцев с верной характеристикой: полный доброй воли, но без (знания) немецкого языка и литературы [Ягич 1910: 183].

Славистические Italienische Reisen

Итальянские поездки Копитара показали другим славистам широкие перспективы работы в архивах и библиотеках полуострова, но первопроходцем Копитар не был. Догадки, что в Италии благодатная почва для славистических исследований, возникли еще в конце XVIII в. у Йосефа Добровского и Яна Потоцкого. Путешествие Добровского в 1794 г. было во многом случайным и не имело строго научной цели, однако он смог изучить славянские рукописи в библиотеке св. Марка в Венеции и посетил греческую типографию [Ягич 1910: 114]. Серьезных следов это путешествие, завершившееся в Венеции, в

per accrescere gli spirituali sovvenimenti a vantaggio di quelle popolazioni Cattoliche» (*Diario di Roma*, Num. 44, 2 giugno 1838, с. 1-2).

¹² «Schade, dass der Ragusaner Piariste nicht Deutsch kann, und folglich in der Slavischen Geschichte um 50 Jahre zurück ist», – сетовал позже Копитар, обращаясь к Добровскому [Bonazza 1980: 19].

творчестве Добровского не оставило, а его переписка с итальянскими филологами относится к дославистической деятельности библеиста.

Большее значение для истории славистики имело посещение графом Я. Потоцким Резьянской долины в 1790 или 1791 г. Польский эрудит был первым славянским ученым, который обратил внимание на Резью, но его ценные заметки о населении и диалекте долины были опубликованы только после смерти Потоцкого, в 1816 г., по инициативе Копитара [Kopitar 1816: 176-180; Duličenko 1996: 569-570].

По всей вероятности, первым командированным в научное «славистическое путешествие» был молодой униатский священник и профессор Виленского университета М. К. Бобровский. Инициатива его долгого путешествия 1817-1822 гг. принадлежала Адаму Чарторыскому, обеспечившему Бобровскому университетскую стипендию «с поручением ознакомиться с состоянием богословского образования в Европе, усовершенствовать себя в знании восточных языков, как необходимого пособия для преподавания библейской археологии, специально заняться археологией и герменевтикой, а ввиду основательного его знакомства с церковно-славянским языком – ознакомиться со славянскими наречиями и состоянием славянских литератур» [Штейн 1908: 120]. Бобровский побывал в разных землях Габсбургской империи и во многих городах Апеннинского полуострова (Венеции, Падуе, Триесте, Ровиго, Милане, Турине, Ферраре, Равенне, Болонье, Флоренции, Риме, Неаполе) и в италогоязычных городах Далмации (Сплите, Задаре, Дубровнике, где он познакомился с о. Аппендини) [Rode 1987/1988: 17-20; Чуркина 2017: 85-89]. Молодой ученый работал в Италии с большой отдачей и был весьма успешен. В итальянских архивах обнаружилось множество ценных материалов в области не только арабистики и библеистики, но и славистики. В Риме Бобровский активно сотрудничал с А. Маем в описании славянских рукописей ватиканской библиотеки: «Вернувшись в Рим, Бобровский особенно сблизился со знаменитым лингвистом кардиналом Анджело Май и, составив ученый каталог древнейшим славянским рукописям и старопечатным книгам Ватиканской библиотеки (“Codices Slavici”), отдал его Май для помещения в его сборнике “Nova collectio veterum” 1830 г.» [Штейн 1908: 121].

Значение итальянских исследований Бобровского недооценено. Достоинно внимания то, что Италия не осталась на периферии его ученого путешествия, а опыт Бобровского послужил примером для других славистов: с ним поддерживали тесные контакты Копитар, Кеппен, Востоков, получая ценную информацию о богатых славистических собраниях итальянских библиотек.

В российских университетах «славистические путешествия» молодых ученых во второй половине 1830-х гг. превратились в обычную практику. Образцом стало путешествие Осипа Бодянского, план которого, как отметил В. Ягич, «послужил даже своего рода подлинником или канвой для будущих таких же случаев» [Ягич 1910: 314]. Поначалу эти планы были малореалистичны, сочетая огромное количество задач, не всегда четко сформулированных и не только научного характера. Отчасти это оправдывает иронию Кочубинского и Ягича, мишенью которых стал сам Бодянский¹³.

Сама же идея славистических «командировок», получив определенную корректировку, вскоре приобрела логическую стройность и законченность. Более того, эти путешествия стали вехой в истории славистики и позволили Императорской академии наук добиться существенных результатов. Значительно вырос уровень российских филологов, развивались их международные связи, не говоря уже об открытиях, приобретении редких текстов и т.п. [Лаптева 2005]. По своему несколько авантюрному духу путешествия первых славистов сопоставимы с африканскими или азиатскими экспедициями того времени, сочетая научные цели и влечение к неизведанному, экзотику и патриотизм, часто переходящий в выполнение государственной миссии, вмешательство во внутренние дела других стран и проповедь панславизма, чреватые подозрением в шпионаже¹⁴.

Говоря о плане путешествия Осипа Бодянского, утвержденном в 1837 г. временно исполняющим обязанности управляющего Министерством народного просвещения Н.А. Протасовым¹⁵, при всей «фантастичности» маршрута, разумеется, в итоге не осуществленного, для нас имеет значение то, что через Хорватию и Триест планировался приезд «в Венецию, Милан, Геную, Болонью и Рим. В итальянских городах предписывалось изучение славянских рукописей, в Генуе также бывших когда-то сношений с Крымом – и на все это в то время, когда еще не было железных дорог, назначался двухмесячный срок!» [Ягич 1910: 315].

¹³ [Ягич 1910: 314-315]. Главное обвинение Ягича – подобные планы превращали «кандидата славянской филологии в туриста» [Там же: 342].

¹⁴ Такие обвинения могли быть необоснованными: например, в шпионаже подозревали во Фриули Я. Бодуэна де Куртенэ, часто посещавшего Резьянскую долину для своих исследований [Spinozzi Monai 1994: 82-84].

¹⁵ Можно догадаться, что для генерала Протасова, ставшего в 1836 г. обер-прокурором Святейшего Синода, концепция таких командировок была далека от чисто научных целей. О его посещении Рима в 1844 г. Дж. Секки писал Е. Копитару с негодованием и страхом: «È passato per Roma lo spirito santo del Papa russo cioè l'inspiratore dello Zar <...>. Questi è il Sig.^f Pratasof Generale comandante in capo del santo sinodo di Mosca. Si dice così tronfio della sua dignità, e della sua spada *pastorale* superiore al concilio, che non ha degnato neppure di visitare in Vienna il principe Met***» [Bonazza 1980: 289].

Планировалось также проехать по Далмации, посетив в Дубровнике аббата Аппендини. Маршрут был придуман самим Бодянским, который плохо представлял себе скорость и сложности путешествия, но смог наметить основные ориентиры для исследователя-слависта в тогдашней Европе: кроме славянских земель Центральной и Южной Европы, он указал на Балканы — главное открытие Григоровича и других российских славистов в 1840-е гг., и на исторические центры Италии. Эта же «канва», о которой говорит Ягич, определила маршруты Срезневского, Григоровича и Прейса, повторившись позднее в путешествиях учеников Срезневского – В. И. Ламанского и, в первую очередь, В.В. Макушева, к которым мы еще вернемся. И Бодянский, и Срезневский не забывали о значении итальянских архивов для будущих исследований. Бодянский открыл для международной славистики крошечные славянские общины в глуши южноитальянской области Молизе, расположенной в тогдашнем Неаполитанском Королевстве. Он перевел в 1858 г. переписку дубровницкого историка Медо Пуцича с молизским славянином Джованни Де Рубертисом, который первым описал это этно-лингвистическое меньшинство южнославянского происхождения [Де Рубертис 1858].

Измаил Срезневский, в отличие от своего предшественника, сумел лично посетить область Фриули и Венецию. Из Каринтии через Тарвизио и Понтеббу он в 1841 г. специально отправился в Резьянскую долину и посвятил диалекту и фольклору резьянцев первые научные наблюдения [Срезневский 1844: 207-224]¹⁶. Затем Срезневский посетил Горицию, Триест, ненадолго заглянул в Венецию вместе с П.И. Прейсом, тоже путешествующим по научному плану.¹⁷ Оба ученых побывали в Истрии, городе Фиуме (Риеке) и Далмации, не пропуская ни одного из главных центров «итало-славянской» Адриатики [Ягич 1910: 325-326; 335]. Адриатику, включая Триест и Венецию, удостоил специального внимания и В. И. Григорович. В Венеции он встречался, в частности, с Томмазо. Таким образом, бывшая столица морской республики не теряла своего значения для славянских филологов, историков и патриотов, напротив, интерес к ней постепенно возрастал [Аloe 2004: 749-753]¹⁸.

¹⁶ Вслед за Срезневским посетил Резью другой славист, хорватский поэт Станко Враз [Dulićenko 1996: 569-570; 585-586].

¹⁷ «По плану путешествия, одобренному Востоковым, Прейс должен был посетить после Вены Штирию, Каринтию, Крайну, Хорватию, Славонию, Италию. “Страны, где господствует наречие хорутанское, – указывалось в плане, – должны особенно обратить на себя внимание путешествующего. Труды Копитара и других сделали это наречие чрезвычайно важным в отношении историческом и филологическом”» [Чуркина 2017: 109].

¹⁸ В Венеции с Томмазо встречались и многие другие представители славянского мира, в том числе черногорский владыка Петар Петрович Негош и русский историк Ф.В. Чижов [Аloe 2004: 749-750]. С середины XIX в. появляются серьезные труды о венецианском прошлом Далмации, принадлежащие перу южнославянских и итальянских ученых, таких как Симе Любич (автор изданного в 1856 г. на

Что касается Триеста, то в 1840-е гг. этот город, порт и финансовый центр Габсбургской монархии стал настоящим *Treffpunkt* для путешествующих славистов. В апреле 1841 г. там назначили встречу с Вуком Караджичем Срезневский и Прейс, планирующие ехать с ним в Далмацию, а также Н. И. Надеждин, который, находясь вместе с Д.М. Княжевичем в Неаполе и Риме, спешил увидеться в Триесте с Караджичем и сообщал последнему, что «желал бы – лететь; да нет не только крыльев, но даже и дилижансов, которые бы могли нас домчать *до Славянской Италии*» (*курсив наш. – С.А.*) [Караčić 1993: 636]. В ожидании Надеждина и Княжевича Прейс со Срезневским посещали Венецию, когда те, наконец, добрались до Триеста. В итоге именно Надеждин и Княжевич отправились в Далмацию с Караджичем, так и не дождавшись своих товарищей [Ягич 1910: 335].

Концепция славистических «командировок» постепенно менялась от ознакомительных экспедиций широкого спектра в сторону все более специализированных и ограниченных в пространстве путешествий. Поездки Яна Бодуэна де Куртенэ в Резьянскую долину в 1870-90-е гг. и более поздние исследования Милана Решетара, немало времени проводившего в Молизе, отвечали потребности углубленного изучения диалектов и обычаев славянских меньшинств, предполагая также знание итальянского языка и итальянской диалектологии [Duličenko 1996: 567]. Поколение учеников Срезневского выступало в этом отношении связующим звеном. Показательна командировка 1868-1871 гг. Викентия Макушева, почти полностью посвященная итальянским архивам. В инструкции командируемому намечалось два направления: Балканы, которыми традиционно занимались российские слависты, а также

другая страна, мало исследованная славистами ..., Италия, богатая библиотеками и архивами, в которых уже *найден* или, по крайней мере, отмечено много памятников, важных для литературы и еще более для истории славян, и кое-где есть или могут быть найдены остатки славянской народности. Желательно было бы, чтобы г. Макушев посвятил на Италию столько же времени, сколько и на Турцию [цит. по: Лаптева 2005: 605-606].

Фактически Макушев осуществил только эту вторую часть командировки, справедливо ожидая найти в Италии множество ценных исторических материалов [Макушев 1870; Макушев 1871; Макушев 1874]. Выбор Италии в качестве основного места проведения славистических исследований (в случае Макушева преимущественно исторического, а не

итальянском языке биографического словаря выдающихся далматинцев), Медо Пуич, венецианский библиотекарь Джузеппе Валентинелли, черногорский юрист Бальтазар Богишич и др. [Ягич 1910: 617].

филологического характера) стал новацией для славяноведения [Лаптева 2005: 595-668]¹⁹. Недавно нами был опубликован большой отрывок из письма Макушева Срезневскому, в котором довольно подробно изложен план путешественника. Здесь уместно процитировать ту часть письма, которая связана с Италией:

Я предполагал бы провести зимние месяцы в Италии, преимущественно в *Венеции*, в архивах и библиотеках которой надеюсь найти много неизданных материалов для истории южных славян, особенно же далматинцев и дубровничан. Находясь в Венеции, я обратил бы также внимание на окрестные славянские колонии. И в других итальянских городах надеюсь найти также любопытные для славянской истории материалы, особенно же: в *Генуе*, бывшей с 1378 года главной дубровницкою колониєю на Средиземном море²⁰, во *Флоренции*, с которою дубровничане вступили в особенно деятельные сношения с половины XV века, – в *Неаполе*, *Мессине*, *Сиракузах* и *Палермо* и вообще в Южной Италии, с которою сносились адриатические славяне уже в IX веке и под покровительством которой находились дубровничане довольно значительное время. Я бы посетил существующий донныне на острове Сицилии город *Рагузу*, несомненно, дубровницкую колонию²¹. Имея в виду преимущественно эти пункты, как особенно любопытные для меня, занимающегося дубровницкою историею, я побывал бы также и в других местностях Италии, представляющих интерес для слависта, каковы: Падуя, Милан, Болонья и Рим²².

Относительно командировки в западнославянские земли Макушев писал своему наставнику, что это «крайне необходимо, но едва ли moguще сравниться по результатам, как мне кажется, с путешествием по Турции и Италии» [Алоэ 2012: 16]. В итоге Макушев не следовал инструкции и максимально сосредоточился на Италии. Он работал в Венеции (дважды, в общей сложности 18 месяцев), Неаполе (10 месяцев), Милане, Флоренции и Анконе (по 3 месяца), Болонье (2 месяца). Архивные находки Макушева подтвердили большое значение славянской общины в Анконе в средние века. Ученый посетил также Турин, Геную, Палермо, Рим, Бари, Верону и Мантую.

Около недели Макушев провел в главном из трех небольших славянских центров области Молизе – Аквавива-Коллекроче (Жива Вода-Круч) вместе с другим воспитанником российских университетов болгаринoм Марином

¹⁹ Предшественником Макушева в этом отношении можно считать тосканского историка Себастьяно Чампи, совершившего научное путешествие в Италию в 20-е годы XIX в., поддержанное властями Царства Польского. Итогом стало несколько томов издания *Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze [...] colla Russia, colla Polonia...* (1834, 1839, 1842) [Cronia 1958, 423]. Работа Чампи большого распространения в среде славистов не получила.

²⁰ Генуя колониєю Дубровника никогда не была, видимо, Макушев имел в виду тесные коммерческие связи двух морских республик.

²¹ Связь сицилийской Рагузы с адриатической остается до сих пор спорным вопросом.

²² В.В. Макушев – И.И. Срезневскому, <СПб.> 3 января 1868 г. // РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Д. 1282. Впервые опубликовано в: [Алоэ 2012: 16].

Дриновым, который тоже тщательно изучал в тот период итальянские архивы. Оба слависта побывали у Дж. Де Рубертиса, которому ранее удалось наладить контакты с Пуцичем, Бодянским и итальянским (горицианским) лингвистом Грациадио Асколи. Дринов и Макушев оказались первыми славянскими гостями молизской славянской общины [Алоэ 2016]. На рубеже XIX-XX вв. молизских славян слависты стали посещать все чаще: до них добрались, среди прочих, Р. Ковачич, Я. Бодуэн де Куртенэ, Й. Смодлака, М. Решетар. В отличие от первых кратких визитов, позднейшие поездки стали продолжительнее, позволив серьезно изучать разные аспекты жизни молизских общин [Rešetar 1997: 3-11].

Накануне рождения итальянской славистики

Деятельность иностранных славистов в Италии становилась все интенсивнее во второй половине XIX в. в условиях малой активности итальянской научной среды даже после объединения страны. Не имея славистических кафедр и центров, Италия еще долго испытывала серьезный дефицит знаний о языках и истории народов и регионов, составляющих значительную часть Европы. Интерес к славистике отдельных итальянских ученых и интеллектуалов не мог изменить ситуацию, но способствовал постепенному осознанию важности для политической и культурной жизни Италии ряда вопросов. Существование сложного пограничья на северо-востоке Апеннинского полуострова, оспариваемого итальянским и славянскими национализмами и по большей части еще подчиненного Вене, неясность этнокультурных и политических перспектив Восточной Адриатики (Истрии, Далмации, Котора) стимулировали связи с южнославянским ареалом, хотя это долгое время не сопровождалось развитием интереса к языкам и культурам «соперников»²³.

Исторические предрассудки играли в этом отношении большую роль как на оспариваемых территориях, так и в политических центрах молодого итальянского государства: признание языков, литератур, истории славян имплицитно означало бы и признание ценности их культуры, ставя под сомнение стереотип превосходства итальянцев над южнославянской средой

²³ «Fino al 1860 la lingua e la cultura italiana furono predominanti nell'Adriatico orientale austriaco; e l'Adriatico stesso, per quanto esotico e levantino nelle fogge di chi portava le carovane dall'impero ottomano sulle rive dalmate, per quanto sbocco marittimo della Turchia europea, appariva a chi ne era estraneo come fundamentalmente un mare italiano, abitato da italiani, schiavoni e albanesi. Una dimensione italiana ibrida, di cui conosciamo i contorni, ma di cui sfugge la sostanza, anche perché la cultura nazionale italiana, forgiata sul risorgimento, sul fare gli italiani, non ha saputo cogliere e far proprio tale ibridismo, diremmo oggi la dimensione transnazionale dell'Adriatico che lungo tutto l'Ottocento si era comunque espressa con la lingua italiana e in termini culturali italiani» [Ivetic 2014: 203].

[Spinozzi Monai 1994: 77-99 Ivetic 2014: 205, 219-220]. Националистический италоцентризм достиг своего пика в первой половине XX в. с возникновением фашизма, но проявления жесткого отношения к меньшинствам можно обнаружить в итальянском обществе уже в конце предыдущего столетия, как справедливо отмечал в 1925 г. Бодуэн де Куртенэ:

Oburzające jest postępowanie Włochów wobec Słowińców, Niemców i w ogóle wszelkich "mniejszości narodowych". Znając szowinistów włoskich, spodziewałem się tego. Nie ustępują oni wcale Madziarom przedwojennym, a nawet ich przewyższają. Słoweńcy mogli się najlepiej rozwijać w Austrii. Niestety, głupia dynastia habsburska i imperialiści austriaccy pchali to nieszczęsne państwo do awantury i do zguby, zamiast wzorować się na Szwajcarii, tj. praktykować bezwzględne równouprawnienie i spokojne współżycie» [Bešta 1972: 213].

С самого начала официальная политика Итальянского Королевства признавала существование вопросов, связанных со славянским миром, но не потребность в специалистах по ним. В роли посредников обычно выступали двуязычные далматинцы. Исключением явился туринец Анджело де Губернатис, ставший настоящим пионером итальянской славистики. Среди многочисленных «славянских» предприятий де Губернатиса необходимо упомянуть неудачную попытку начала 1870-х гг. создать в Италии славистический журнал в сотрудничестве с одним из основателей французской славистики Луи Леже [Aloe 2000b]. В объединенную Италию в 1860-70-е гг. приезжали для своих исследований, лишь отчасти касающихся славистики, такие ученые, как А.Н. Веселовский, Ф.И. Буслаев, М.П. Драгоманов. Все они так или иначе связывались с де Губернатисом, немало сделавшим для поддержки их работы и распространения в Италии информации о них [Aloe 2000a].

Условия для становления академической славистики в Италии появились только после Первой мировой войны. Первое поколение итальянских славистов не случайно сформировалось в рамках германистики (Э. Ло Гатто, Э. Гаспарини), часть из них к тому же принадлежала к италоязычной среде Далмации (А. Крониа, Дж. Мавер). Контакт с Россией на фронте и после революций 1917 г. тоже сыграл известную роль. Надо сказать, что итальянская славистика тогда формировалась очень быстро, найдя свое место в мировой науке о славянах [Cronia 1958; Маццителли 2018]. Положительно сказались сильная итальянская традиция классической филологии, политическая близость итальянских и польских патриотов в эпоху романтизма, историческое сосуществование венецо-итальянской и славянской культур в Истрии и Далмации, связь Италии с основными религиозными вопросами Европы, в том

числе с кирилло-мефодиевским наследием. Накопившиеся в течение XIX в. контакты с зарубежной славистикой создали почву, которая дала богатые плоды.

Литература

- АЛОЭ, С. (2012): Джованни Де Рубертис и другие итальянские корреспонденты В.В. Макушева // *Slavica litteraria*, X 15/2012 Supplementum 2: Развитие славистики в зеркале эпистолярного наследия и других личных документов = *Vývoj slavistiky v zrcadle epistolárního dědictví a jiných osobních dokumentů*, eds. S. Bonazza, I. Pospíšil, Brno, с. 11-29.
- АЛОЭ, С. (2016): Джованни Де Рубертис в истории славяноведения // *Slāvu lasījumi XI = Славянские чтения XI*, galv. red. A. Stankeviča, Daugavpils, с. 11-19.
- БАБИЧ, В. (2012): Переписка Матея Совича с Альберто Фортисом в 1770-1773 гг. из наследия Цойса в Национальной и Университетской Библиотеке (NUK) // *Slavica litteraria*, X 15/2012 Supplementum 2: Развитие славистики в зеркале эпистолярного наследия и других личных документов = *Vývoj slavistiky v zrcadle epistolárního dědictví a jiných osobních dokumentů*, eds. S. Bonazza, I. Pospíšil, Brno, с. 33-46.
- БОНАЦЦА С., ГОРЯИНОВ А. Н., РОБИНСОН М. А. (2013): Комиссия по истории славистики (1958-2013) // *Oblicza slawistyki. Komisje Międzynarodowego Komitetu Slawistów (1958-2013)*. Opole, с. 31-45.
- ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ, И.Н. (1963): *Итальянское Возрождение и славянские литературы XV-XVI веков*. Москва.
- ДЕНИСЕВИЧ, К.Н. (2006): Книга Мауро Орбини «Regno degli slavi hoggi corrottamente detti schiavoni» и начало италоязычной славистики // *Проблемы италянистики*. Выпуск 2. *Литература и культура*. Москва, с. 102-114.
- ДЕ РУБЕРТИС, И. (1858): Славянские поселения в Неаполитанском королевстве. Письма тамошнего учителя Иована де Рубертис (перевод и предисловие О.М. Бодянского) // *Чтения при Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете*. январь-март. кн. I, с. 3-29.
- ДРИНОВ, М.С. (1872): Заселение Балканского полуострова славянами // *Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете*. Москва, 1872, кн. 4.
- ДУЛИЧЕНКО, А.Д. (2007): Академик Измаил Иванович Срезневский и резьяница (с извлечениями из его путевых заметок по Резье в 1841 году) // *Jezikoslovní zapiski*, 13 (1-2), 2007, с. 127-133.
- ИДЕЯ (1994): *L'idea dell'unità e della reciprocità slava e il suo ruolo nello sviluppo della slavistica = Идея славянской взаимности и ее роль в развитии истории славистики*. Atti del Convegno della Commissione per la Storia della Slavistica, Urbino 28.IX-1.X 1992, a cura di S. Bonazza e G. Brogi Bercoff. Roma.
- КАРАЦИЋ, В.С. (1993): *Преписка, б (1837-1842)* (Сабрана дела Вука Караџића; 25), приредио Г. Добрашиновић, Београд.
- ЛАПТЕВА, Л.П. (2005): *История славяноведения в России в XIX веке*. Москва.
- ЛИСТУВАННЯ (1993): *Листування українських славістів з Францем Міклошичем* // Свенціцький І.С. (упорядник), Київ.
- МАКУШЕВ В.В. (1870): *Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории*. Санкт-Петербург, 3 тт.
- МАКУШЕВ В.В. (1871): О славянах Молизского графства в Южной Италии // *Записки Императорской Академии наук*, т. 18, кн. 1, с. 31-56.

- МАКУШЕВ В.В. (1874): *Исторические памятники южных славян и соседних им народов, извлеченные из итальянских архивов и библиотек*. Варшава.
- МАЦЦИТЕЛЛИ, Г. (2018): *Очерки итальянской славистики: книги, архивы, судьбы*. Москва.
- ПОТАПОВА, З. М. (1973): *Русско-итальянские литературные связи, вторая половина XIX века*, Москва.
- ПРОБЛЕМЫ (2015): *Проблемы итальянистики*. Выпуск 6: *Итальянская идентичность: единство в многообразии*. Москва.
- РАЗВИТИЕ (2008): *Lo sviluppo della slavistica negli imperi europei = Развитие славяноведения в европейских империях*. Материалы Международной конференции Комиссии по Истории Славистики при МКС (Verona 16–17 ottobre 2007). Под ред. С. Алоэ. Milano.
- СРЕЗНЕВСКИЙ, И.И. (1844): Фриульские славяне // *Москвитянин*, т. 5/9 (1844), с. 207-224.
- ЧУРКИНА, И.В. (2017): *Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г.* Москва.
- ШТЕЙН, Вл. (1908): Бобровский, Михаил Кириллович // *Русский биографический словарь*. Изд. под наблюдением А.А. Половцова, т. 3. Санкт-Петербург.
- ЯГИЧ, И.В. (1910): *История славянской филологии* (Энциклопедия славянской филологии; 1). Санкт-Петербург.
- ALOE, S. (2000a): *Angelo De Gubernatis e il mondo slavo. Gli esordi della slavistica italiana nei libri, nelle riviste e nell'epistolario di un pioniere (1865-1913)*. Pisa.
- ALOE, S. (2000b): Angelo De Gubernatis et Louis Leger: une collaboration aux sources de la slavistique italienne et française // *Revue des études slaves*, vol. LXXII/1, 2000, с. 7-24.
- ALOE, S. (2004): Tommaseo e la Russia // *Niccolò Tommaseo: Popolo e nazioni. Italiani, corsi, greci, illirici*, a cura di F. Bruni, Roma-Padova, vol. II, с. 733-756.
- ANTONELLI, F. M. (1746): *Του εν Αγιοισ Πατροσ ημων Αθανασιου Αρχιεπισκοπου Αλεξανδριασ ηρμενεια των Ψαλμων η περι επιγραφησ Ψαλμων = Sancti Patris Nostri Athanasii archiepiscopi Alexandriae interpretatio psalmorum siue de tituli psalmorum*. Roma, apud Josephum Collinum, с. xvii-xxi.
- APPENDINI, F. M. (1808): *Grammatica della lingua illirica compilata dal padre Francesco Maria Appendini delle scuole pie professore di eloquenza nel collegio di Ragusa*. Ragusa (переизд. 1828 и 1838).
- BERNARD, A. (2003): Les traits caractéristiques de l'Institut d'études slaves à ses débuts // *Histoire de la Slavistique. Le rôle des institutions = История славистики. Роль научных учреждений*. Sous la direction de A. Bernard. Paris, с. 106-121.
- BEŠTA, T. (1972): *Listy J. Baudouina de Courtenay do A. Černego*, opracował T. Bešta. Wrocław.
- BONAZZA, S. (1974): Una corrispondenza inedita di B. Kopitar con il conte P. Cloz // *Ricerche Slavistiche*, XX-XXI (1973-74), с. 205-225.
- BONAZZA, S. (1975): Carlo Ottavio Castiglioni und der Glagolita Clozianus // *Bereiche der Slavistik* (Festschrift zu Ehren von Josip Hamm). Wien, с. 17-23.
- BONAZZA, S. (1980): *Bartholomäus Kopitar, Italien und der Vatikan*. München.
- BONAZZA, S. (1982): Gli esordi della filologia slava in Italia // *Europa Orientalis*, 1, с. 77-81.
- BONAZZA, S. (1983): Austro-Slavism as the motive of Kopitar's work // *Slovene studies*, V, с. 155-164.
- BONAZZA, S. (1985): Il Mai, il mondo slavo e la Germania // *Angelo Mai e la cultura del primo Ottocento* (Atti del convegno, Bergamo, 8-9 aprile 1983). Bergamo, с. 173-189.
- BONAZZA, S. (1990): Il carteggio Pavel Josef Šafařík – Giuseppe Valentinelli // *Filologia e letteratura nei paesi slavi*. Studi in onore di Sante Graciotti. Roma, с. 661-668.
- BONAZZA, S. (1999): Franz Miklosichs italienische Beziehungen // *Ars Philologica*. Festschrift für Baldur Panzer zum 65. Geburtstag. Hrsg. von K. Grünberg und W. Potthoff. Frankfurt, с. 15-22.

- BONAZZA, S. (2004): Jacob Grimm nei suoi rapporti con gli studiosi italiani // *Variis Linguis*. Studi offerti a Elio Mosele in occasione del suo settantesimo compleanno. Verona, c. 89-105.
- BROGI BERCOFF, G. (1994): Quelques observations sur le Duché d'Urbino et le Royaume des Slaves. A propos de la préhistoire de l'idée d'unité slave // *L'idea dell'unità e della reciprocità slava e il suo ruolo nello sviluppo della slavistica = Идея славянской взаимности и ее роль в развитии истории славистики*. Atti del Convegno della Commissione per la Storia della Slavistica. Roma, c. 111-124.
- CASTIGLIONI, C. O. (1836): <C.O. Castiglioni>, Glagolita Clozianus, id est codicis glagoliticis inter suos facile antiquissimi... // *Biblioteca italiana*, Milano 1836, T. LXXXII, c. 260-281.
- CRONIA, A. (1954): »Glagolitica vaticana« v Karamanovih »Considerazioni su l'identità della lingua letterale slava« iz leta 1753 // *Slavistična revija*, 5-7(1954), c. 99-108.
- CRONIA, A. (1958). *La conoscenza del mondo slavo in Italia*. Padova.
- CRONIA, A. (1962): Lettere di Graziadio Ascoli a Franz Miklosich (Miklošič) // *Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver*. Firenze, c. 153-158.
- DOBROVSKÝ, J. (1822): *Josephi Dobrowsky Institutiones linguae slavicae dialecti veteris...* Vindobonae, MDCCCXXII.
- DULIČENKO, A. D. (1996): У истоков резьянологии // *Kopitarjev zbornik: Mednarodni simpozij v Ljubljani*. Ur. J. Toporišič («Obdobja»; 15). Ljubljana, c. 567-590.
- KOPITAR, J. B. (1816): Die Slaven im Thale Resia // *Erneuerte vaterländische Blätter für den österreichischen Kaiserstaat*, 9/31, 1816, c. 176-180.
- IVETIC, E. (2004): La patria del Tommaseo. La Dalmazia tra il 1815 e il 1860 // *Niccolò Tommaseo: Popolo e nazioni. Italiani, corsi, greci, illirici*, a cura di F. Bruni, Roma-Padova, vol. II, c. 595-623.
- IVETIC, E. (2014): *Un confine nel Mediterraneo. L'Adriatico orientale tra Italia e Slavia (1300-1900)*. Roma.
- LENČEK R. (1992): *The correspondence between Jan Baudouin de Courtenay (1845-1929) and Vatroslav Oblak (1864-1896)*. München.
- LITERATURE (2017): *Literature and Social Change: A Voyage through the History of Slavic Studies*. Proceedings of the International Symposium. Ed. by L. Matejko. Bratislava.
- MARCHIORI, J. (1959): *Emilio Teza, traduttore di poesia popolare serbo-croata*. Padova.
- MARCHIORI, J. (1961): Lettere di Franc Miklošič a Emilio Teza // *Memorie dell'Accademia Patavina. Classe di Scienze, Lettere ed Arti*, LXXIII (1961), c. 3-9.
- PELUSI, S. (2005): Libri e stampatori a Venezia: un ponte verso i Balcani // *Ponti e frontiere*, ed. A. Bonifacio. Venezia, c. 61-78.
- PELUSI, S. (2006): Lingue, nazioni e popoli slavi del Sud nel paratesto del libro veneziano del Settecento // *Custodi della tradizione e avanguardie del nuovo sulle sponde dell'Adriatico. Libri e biblioteche, collezionismo, scambi culturali e scientifici, scritture di viaggio fra Quattrocento e Novecento*, ed. L. Avellini and N. D'Antuono, Bologna, c. 173-187.
- POGAČNIK, J. (1980/1981): Jernej Kopitar in ukrajinsko vprašanje // *Jezi in slovstvo*, letnik 26 (1980/81), številka 2, c. 61-68.
- REŠETAR, M. (1997), *Le colonie serbocroate nell'Italia meridionale*. A cura di W. Breu e M. Gardenghi (перевод изд.: *Die Serbokroatischen Kolonien Südtaliens*. Wien, 1911). Campobasso.
- RODE M. (1987/1988): Mihail Babrovski in Slovenci // *Jezi in slovstvo*, 1987/1988. № 1/2, c. 17-20.
- SPINOZZI MONAI, L. (1994): *Dal Friuli alla Russia: mezzo secolo di storia e di cultura in margine all'epistolario (1875-1928) Jan Baudouin de Courtenay*. Udine.
- STURM-SCHNABL, K. (1991): *Der Briefwechsel Franz Miklosich's mit den Südslaven = Korespondenca Frana Miklošiča z Južnimi Slovani*. Maribor.

TAMBORRA, A. (1974): Jernej Kopitar a Roma (1842-1843) e la politica slava di Gregorio XVI // *East European Quarterly*, 3 (1974), c. 309-332.

VEDA (1998): *Veda a ideológia v dejinách slavistiky*, ed. T. Ivantyšinová. Bratislava.